

Арсений Кораблев

Лео и Тихий дракон. Тайна замёрзшего пруда

Арсений Кораблев

Лео и тихий дракон.

Тайна замёрзшего пруда

<https://litres.ru/74227007>

SelfPub; 2026

Аннотация

В книге «Лео и тихий дракон: Тайна замёрзшего пруда» рассказывается о встрече мальчика Лео и его друга-дракончика Искорки с чудом. Действие происходит в парке Старых Клёнов, где время течёт иначе. Здесь, в окружении тишины и покоя, герои ощущают, что что-то особенное ждёт их впереди. История наполнена зимними мотивами и новогодней атмосферой. Она погружает читателя в мир, где можно услышать то, что скрыто за шумом повседневности. Это трогательная и добрая история о дружбе, открытиях и вере в чудеса.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Лео и тихий дракон.

Тайна замёрзшего пруда

Глава

—

Тишина – это не когда ничего не слышно.

Тишина – это когда слышно всё самое интересное.

А свет – не огонь.

Это ответ тех, кого слышали.

Есть места на земле, где время течёт иначе. Не быстрее и не медленнее – а глубже. Там, где старые деревья вплетают свои корни в память земли, где каждый камень хранит тепло прошедшего солнца, а ветер несёт шёпот тех, кто умел слушать тишину.

Парк Старых Клёнов был именно таким местом. Дети бегали по его дорожкам, не замечая ничего особенного. Взрослые проходили мимо, уткнувшись в телефоны. Но если остановиться. Если прислушаться. Если опустить глаза к земле – можно было почувствовать: здесь что-то ждало. Не громко.

Не нетерпеливо. Тихо, как дыхание спящего друга.

Иногда чудо не стучится в дверь. Оно лежит у подножия дерева, согретое солнцем, и ждёт того единственного, кто пройдёт мимо не бегом, а шагом. Того, кто услышит не шум мира, а то, что скрыто за ним.

Эта история – о таком ребёнке.

И о том, что случилось, когда он остановился.

Глава 1: Ледяное сердце

Первый снег всегда пахнет волшебством. Лео знал это с самого детства. Но сегодня волшебство пахло иначе – острее, чище, с лёгкой горчинкой морозца. Он стоял у окна, наблюдая, как последние снежинки кружат в воздухе, будто не решаясь приземлиться. За окном мир замер: ни птиц, ни детей на горках, ни звона санок. Только тишина. Тёплая, пушистая, как шерстяной плед.

– Хочешь выйти? – спросил он, оборачиваясь к кровати.

Искорка уже был готов. Он сидел на подушке, свернувшись клубочком, но его глаза блестели предвкушением. С тех пор как их тайна стала достоянием города, дракончик изменился. Он больше не прятался в складках штор и не пре-

вращался в носок при звуке шагов. Он гордился своей ролью – и теперь носил её, как папа носил свой инженерный жетон: с достоинством и теплотой.

– Тогда одевайся, – улыбнулся Лео. – Сегодня особенный день. Чувствую.

Он не знал, откуда взялась эта уверенность. Может, от того, как солнце сегодня играло на льду пруда, превращая его в зеркало с тысячью искр. Может, от того, как Искорка весь вечер вчера смотрел в окно, не отрываясь. А может – просто потому, что тишина сегодня была иной. Не пустой. А наполненной ожиданием.

На улице холод обнял их, как старый друг. Лео втянул носом воздух – и почувствовал запах зимы: снега, дыма из труб и чего-то древнего, что просыпается только под снегом. Искорка сидел у него на плече, вцепившись коготками в шерсть шапки. Его чешуя, обычно тёплая, сегодня отдавала прохладой – не ледяной, а такой, как от гладкого речного камня, лежащего в тени.

Они пошли к пруду.

Снег хрустел под ногами – не громко, а тихо, почти винно-вато. Деревья стояли в белом убранстве, и каждая ветка была

словно выписана тонкой кистью. А пруд...

Пруд завораживал.

Лёд был не мутным, не серым, как бывает после оттепели. Он был прозрачным, как горный хрусталь. Сквозь него виднелись тёмные очертания утонувших листьев, изогнутые ветки, ушедшие на дно ещё осенью, и даже тени рыб, замерших в зимнем сне. Но самое странное было в центре – там, где лёд был толще всего.

Там, под самым сердцем пруда, что-то светилося.

Не ярко. Не как фонарь. А тускло, глубоко, будто кто-то зажёт под водой маленькую лампу и накрыл её слоем ваты. Свет был синим. Не небесно-голубым и не ледяным – а глубоким, как цвет вечернего неба перед звёздами. И он пульсировал. Едва заметно. Раз... пауза... раз... пауза...

– Видишь? – прошептал Лео, указывая.

Искорка не ответил писком. Он замер. Его собственный перламутровый свет, который всегда сопровождал его, погас. Совсем. Будто дракончик боялся своим светом спугнуть то, что мерцало подо льдом.

Он спрыгнул с плеча Лео и подошёл к самой кромке льда. Осторожно, на цыпочках, будто боясь нарушить хрупкое равновесие мира. Он припал к льду носом и замер. Его бирюзовые глаза расширились – не от страха, а от узнавания. Что-то в этом свете было ему знакомо. Очень знакомо.

Лео подошёл ближе. Он лег на живот, прижался щекой к холодному льду – и тоже посмотрел вглубь.

Свет пульсировал. Медленно. Ритмично. Как сердце.

И вдруг Лео понял. Это не камень. Не брошенная игрушка. Это было живое. Или... было живым. И теперь спало. Спало глубоким, зимним сном под толщей льда. И его сон был таким тихим, что его можно было услышать только в совершенной тишине.

– Что это? – прошептал он.

Искорка оторвался ото льда и посмотрел на Лео. В его глазах не было ответа. Но была просьба. Молчаливая, глубокая просьба: *«Давай узнаем»*.

Ветер шевельнул снежинки на ветках. Где-то далеко залая собака. Но здесь, у пруда, стояла тишина. И в этой тишине два друга – мальчик и дракон – впервые за долгое вре-

мя почувствовали то же самое: не страх. Не любопытство. А зов. Тихий, нежный зов из глубины замёрзшей воды.

Зов, который ждал именно их.

Глава 2: Шёпот снега

Утро после открытия ледяного сердца наступило тихо, как будто сама зима затаила дыхание. Лео проснулся от странного ощущения: в комнате было холоднее обычного. Не морозно – просто прохладно, как в старом погребе, где хранятся яблоки и мёд.

Он открыл глаза.

Искорка не лежал у него под одеялом, как всегда. Не свернулся клубочком на подушке, не прятал нос в складках пижамы. Его не было на кровати.

Лео сел, сердце ёкнуло – но тут же успокоилось. На подоконнике, прижавшись лбом к холодному стеклу, сидел дракончик. Его перламутровая чешуя, обычно тёплая и мягкая, как бархат, сегодня отливала странным, серебристым блеском. Будто на неё легла тончайшая изморозь. Но это была не иней – это было его собственное сияние, только другое. Не золотистое, не жемчужное – а ледяное, прозрачное, как

первый снег на рассвете.

– Искорка? – тихо позвал Лео.

Дракончик не обернулся. Он смотрел в окно – на пруд, на тот самый круг света подо льдом, который они увидели вчера. И его маленькое тельце, обычно источающее уютный жар, сегодня было прохладным. Не холодным – не обжигающе ледяным – а именно прохладным, как гладкий камень, лежащий в тени дуба летним днём.

Лео подошёл ближе. Осторожно, чтобы не спугнуть. Он протянул руку и коснулся спинки Искорки.

Обычно прикосновение вызывало ответную волну тепла – дракончик будто делился своим солнцем. Сегодня же Лео почувствовал не жар, а лёгкую, приятную прохладу. Как будто прикоснулся к тени. И в этой прохладе не было пустоты – было спокойствие. Глубокое, зимнее спокойствие.

– Ты... замёрз? – прошептал Лео.

Искорка наконец повернул голову. Его бирюзовые глаза были ясными, спокойными. В них не было ни страха, ни тоски. Было... узнавание. Как будто он впервые за долгое время услышал голос, который знал ещё до рождения.

Он ткнул носом в стекло – в сторону пруда. Потом посмотрел на Лео. И тихо, почти неслышно, пискнул: «Ври-и-и...»

Это был не вопрос. Это был зов. Тихий, как шорох падающей снежинки.

На кухне мама уже ставила чайник. Запах корицы и мёда вился по коридору – обычный, уютный, домашний запах. Но сегодня он казался Искорке чужим. Дракончик даже не повернул головы на знакомый аромат мёда. Обычно он бежал к кухне, едва уловив этот запах. Сегодня он остался у окна – прикованный к холодному стеклу, к замёрзшему пруду, к тому синему свету подо льдом.

– Хочешь выйти? – спросил Лео.

Искорка кивнул. Один раз. Медленно. Серьёзно.

Они оделись молча. Лео натянул шерстяные носки, тёплые ботинки, куртку с капюшоном. Искорку усадил в карман на груди – но не спрятал, как раньше. Оставил отверстие, чтобы дракончик мог смотреть наружу. Искорка не сопротивлялся. Он сидел тихо, его лапки были холодными на коже Лео – и это не было неприятно. Это было... правильно. Как

будто зима наконец-то нашла своё место в их дружбе.

На улице стояла та особенная тишина, которая бывает только после снегопада. Снег поглотил все звуки: не было слышно ни машин, ни криков детей, ни даже вороньего карканья. Только тишина. Глубокая, пушистая, как слой ваты, укрывший мир.

Лео шёл по свежему снегу, и каждый шаг оставлял за ним глубокий след. Искорка выглядывал из кармана, его глаза расширились от изумления. Он никогда раньше не видел столько белого. Всю осень он прятался от дождя, грелся у батареи, мечтал о весне. А теперь... теперь белое море снега манило его, как тёплый камень манил осенью.

Они подошли к пруду.

Лёд сегодня был другим. Вчерашняя прозрачность сменилась матовостью – будто поверхность покрыли тонким слоем белой пудры. Но в центре, там, где вчера пульсировал синий свет, лёд остался чистым. И свет был там – такой же тусклый, глубокий, пульсирующий. Раз... пауза... раз...

Искорка вылез из кармана. Не спрыгнул – выскользнул, как тень. Он подошёл к самой кромке льда и замер. Его перламутровая чешуя, отражая зимнее солнце, начала перели-

ваться новыми оттенками: не только золотом и розовым, но и серебром, и ледяной синевой. Будто в ней просыпались спящие краски.

Он припал к льду. Не носом – лбом. Там, где у него едва наметились бугорки будущих рожек. И закрыл глаза.

Лео сел рядом, тоже прикоснулся лбом к льду. Холод пронзил кожу – но он не отстранился. Он прислушался.

И тогда он услышал.

Не звук. Не шорох. А шёпот.

Шёпот снега.

Он шёл не снаружи – изнутри. Из глубины пруда, из-под льда. Это был не голос словами – это было ощущение, которое превращалось в образы в голове:

Белое. Тишина. Спокойствие. Сон. Ожидание. Друг...

Лео открыл глаза. Искорка всё ещё лежал, прижавшись ко льду. Но теперь из его собственного тела исходил свет – не тёплый золотой, а прохладный, серебристый. И этот свет струился вниз, сквозь лёд, к тому синему сердцу под водой.

Два луча – синий из глубины и серебристый от Искорки – встретились подо льдом и переплелись, как две нити в зимнем узор.

– Ты... разговариваешь с ним? – прошептал Лео.

Искорка не ответил. Но его хвостик, лежащий на льду, мягко дрогнул – в такт пульсации синего света.

В этот момент Лео понял главное: Искорка не боялся холода. Он его узнал. Холод был не врагом – он был родным. Как тепло было родным Лео, так холод был родным Искорке. И то, что спало подо льдом, было частью этого холода. Частью его мира.

Они сидели так долго, что пальцы Лео онемели, а щёки покрылись румянцем. Но он не чувствовал холода. Он чувствовал только тишину – и в этой тишине звучал шёпот снега, который говорил одно:

«Я здесь. Я ждал. Спасибо, что пришли».

Когда они возвращались домой, Искорка не залез обратно в карман. Он сидел у Лео на плече, и его чешуя всё ещё отдавала лёгкой прохладой. Но теперь в этой прохладе чувствовалось не одиночество – а связь. Связь с чем-то

древним, спящим подо льдом. С чем-то, что выбрало именно их – мальчика, умеющего слушать тишину, и дракончика, чей свет мог согреть даже зимнее сердце.

А дома, на кухне, мама уже налила в кружку горячий чай с мёдом. И когда Лео вошёл, она улыбнулась – и поставила вторую кружку поменьше, с ложечкой мёда на дне.

– Для твоего друга, – сказала она тихо. – Пусть греется.

Искорка посмотрел на мёд. Потом на Лео. И впервые за это утро его чешуя вспыхнула знакомым, тёплым золотом – всего на миг. Будто говоря: *«Да, я помню тепло. Но теперь я знаю и холод. И оба они – часть меня».*

Он подошёл к кружке, облизнул ложечку – и мурлыкнул. Не от жадности. От благодарности.

Зима не забрала его у Лео. Она подарила ему новую грань. И в этой грани таилась тайна – тихая, как шорох снежинки, глубокая, как лёд на пруду. Тайна, которая ждала своего часа. Тайна замёрзшего пруда.

Глава 3: След на льду

Лео проснулся от того, что Искорка уже не было рядом.

Обычно дракончик спал, свернувшись у него под подбо-
родком, и его тёплое дыхание щекотало шею. Сегодня по-
душка была пуста. Холодна.

Лео сел. Сердце не ёкнуло – он уже знал: Искорка не про-
пал. Он ушёл к пруду. К своему новому зову.

Мальчик натянул ботинки прямо поверх пижамы, наки-
нул куртку – и выскользнул из дома. Родители ещё спали. За
окном серел рассвет, окрашивая снег в нежно-розовый цвет,
как щёки спящего ребёнка.

Парк был пуст. Ни следов, ни птиц, ни ветра. Только снег,
лёд и тишина – такая глубокая, что в ней можно было услы-
шать, как падает снежинка.

Лео подошёл к пруду.

И замер.

Лёд изменился.

Вчера он был гладким, прозрачным, с одним лишь синим
пятном в центре. Сегодня на его поверхности расцвели узо-
ры. Не те, что рисует мороз на оконном стекле – кружевные,

хаотичные. Эти были иными.

Они напоминали следы.

Крошечные, едва заметные, будто кто-то очень лёгкий прошёл по льду босыми ногами. Следы с шестью пальцами – не пятью, как у человека, не четырьмя, как у зверя. Шесть тонких отпечатков, расходящихся от центральной точки, как лепестки цветка. И эти следы вели от центра пруда – от того самого синего света – к самой кромке льда. Прямо к тому месту, где вчера сидел Лео.

Лео опустился на колени. Пригляделся.

Следы не были нарисованы сверху. Они были *внутри* льда. Как будто кто-то прошёл не по поверхности, а сквозь саму толщу хрустала – и оставил свой отпечаток в глубине. И в каждом следе, если присмотреться, мерцала крошечная искорка – не синяя, не серебристая, а белая, как снежинка на солнце.

– Искорка? – позвал Лео тихо.

Из-за ствола ближайшего клёна вышел дракончик. Его чешуя сегодня переливалась всеми оттенками зимы: серебром инея, синевой утреннего неба, белым снега. Он подошёл к

пруду, не глядя на Лео, и устоялся на следы. Его глаза были широко раскрыты – не от страха, а от трепета. От узнавания.

Он поднял лапку – и приложил её к льду, точно на один из следов.

И произошло чудо.

Там, где его лапка коснулась льда, след вспыхнул мягким светом. Не ярко – едва заметно. Но достаточно, чтобы Лео увидел: следы были тёплыми. Не горячими – но живыми. Как будто в них всё ещё оставалось дыхание того, кто их оставил.

– Кто это сделал? – прошептал Лео.

Искорка не ответил. Он опустил голову и прижался лбом к льду – к тому месту, где начинался след. И закрыл глаза.

Лео сделал то же самое.

Холод льда пронзил лоб – но он не отстранился. Он прислушался. И снова услышал шёпот. Но теперь он был другим – не общим, как вчера. Личным. Направленным.

Маленький. Тёплый. Друг...

Образы вспыхнули в голове Лео, как искры в темноте:

Рука. Маленькая, прозрачная, как лёд. Пальцы – шесть, тонкие, как веточки зимней ивы. Она тянется к поверхности. К свету. К нему.

Глаза. Не бирюзовые, как у Искорки. Не карие, как у Лео. А цвета зимнего неба – серо-голубые, с искорками звёзд внутри.

Улыбка. Не широкая, не громкая. Тихая. Как шорох снежинки на ладони.

Лео открыл глаза.

– Там кто-то есть, – сказал он. – Подо льдом. Кто-то маленький. Как ты.

Искорка кивнул. Его свет пульсировал в такт следам на льду – будто он и тот, кто оставил их, дышали одним дыханием.

Они сидели так долго, что солнце поднялось выше, и его лучи упали на пруд под новым углом. И тогда Лео заметил нечто странное.

Следы менялись.

Не исчезали – а *росли*. От каждого шестипалого отпечатка расходились тончайшие линии, как трещины в стекле, но не острые, а плавные, изящные. Они переплетались между собой, образуя узор, похожий на снежинку – но не простую, а сложную, с множеством граней, как у кристалла. И в центре этого узора, прямо над синим светом, появилась новая фигура – не след, а кружок. И в нём – шесть крошечных точек, расположенных звездой.

– Это... послание? – прошептал Лео.

Искорка поднял голову. Посмотрел на Лео. Потом снова на лёд. И сделал нечто удивительное.

Он выдохнул.

Не искорки. Не тёплый свет. А лёгкое облачко пара – такого же белого, как снег. И это облачко опустилось на лёд – прямо на кружок с шестью точками.

Пар коснулся льда – и исчез. Но в том месте, куда он упал, лёд на миг засветился изнутри – мягким, серебристым светом. И из глубины поднялся ответный импульс: синий свет в центре пруда вспыхнул ярче – всего на секунду. Будто кто-

то внизу улыбнулся.

– Он ответил, – прошептал Лео с благоговением.

Искорка мурлыкнул – тихо, почти неслышно. И впервые за эти дни его чешуя стала тёплой. Не горячей – но живой. Как будто он понял: он не один. Подо льдом есть кто-то, кто понимает его холод. Кто ждал его.

Они вернулись домой, когда солнце уже грело по-настоящему. Искорка шёл рядом с Лео – не на плече, не в кармане, а рядом, как равный. Его следы на снегу были крошечными, с четырьмя пальцами. Но Лео знал: где-то подо льдом оставались следы с шестью. И они ждали продолжения разговора.

Дома мама уже завтракала. Она посмотрела на Лео – на его румяные щёки, на снежинки в волосах – и улыбнулась.

– Гулял к пруду?

Лео кивнул.

– Там красиво сегодня.

– Да, – сказала мама задумчиво. – Я сегодня утром тоже смотрела в окно. На пруд. И мне показалось... будто на льду

кто-то нарисовал цветок. Очень красивый. Изю льда.

Она взглянула на Искорку, который сидел на подоконнике и грелся в солнечном луче.

– Странно, правда? Морозные узоры обычно на стекле. А тут – на льду. И такие... живые.

Лео не ответил. Он посмотрел на дракончика – и тот медленно, почти незаметно, кивнул.

Мама не видела того, что видел Лео. Она не слышала шёпота снега. Но она *чувствовала*. И этого было достаточно.

В тот день Лео впервые понял: тайна пруда не принадлежала только ему и Искорке. Она касалась всех, кто умел замечать красоту в тишине. И возможно – только возможно – кто-то ещё в этом городе тоже видел следы на льду. И тоже задавался вопросом: кто их оставил?

Но ответа не было. Была только тишина. И в ней – шесть крошечных точек, светящихся подо льдом. Приглашение. Обещание. Начало.

Глава 4: Зимний гость

На следующее утро мир проснулся в белом молчании. Снег падал не хлопьями, а тончайшей пылью – такой лёгкой, что казалось, она не падает, а парит в воздухе, медля свой путь к земле. Лео вышел из дома, неся в кармане куртки кусочек мёда для Искорки, и направился к пруду.

Но на полпути он остановился.

Посреди снежного поля, там, где вчера ещё была лишь белая пустота, стоял цветок.

Не снежинка. Не сосулька. А настоящий цветок – такой, какой бывает только в сказках. Он был маленьким, не больше ногтя мизинца, и состоял из лепестков, вырезанных из чистейшего льда. Лепестки были прозрачными, но в их глубине переливался мягкий синий свет – тот самый, что пульсировал подо льдом пруда. Сердцевина цветка напоминала крошечную звезду из шести лучей – как те точки на льду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.